

ФЕНОМЕН НОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Представлен феномен «новая экономика» с социогуманитарной точки зрения. Обозначены социальные и экономические тренды и проблемы приспособления индивида к техногенной структуре информационного общества.

Ключевые слова: *новая экономика, информационное общество, человек, труд, социально-экономические отношения, индивидуализация, сети, государство.*

Есть два взгляда на будущее.

Один — с опаской, другой — с предвкушением.

Джим Рон

Суть экономики индустриализма заключается в попытке преодоления редкости материальных благ. Основу экономического процветания прошлого века составлял технический прогресс, совершенствование труда в сфере материального производства. Миссией капитализма в XX веке считалось обеспечение материального изобилия и достатка в обществе; миссией социализма — преодоление бедности и социального неравенства, но опять же, на основе использования промышленных технологий. Несмотря на две мировые войны, кризисы и многочисленные потрясения, прошлый век имел своим результатом колоссальное увеличение воспроизводственного потенциала в странах с развитой индустриальной экономикой. В эпоху массового производства «наёмные работники перестали быть людьми, работавшими только для благополучия других людей. Они сами стали основными потребителями продукции, производимой их фабриками» [17, С. 581].

Переосмысливая итоги XX века, Д. Белл даже сделал вывод, что поскольку экономическая теория создавалась, чтобы предложить рецепты расширения и оптимизации производства товаров, делающие их более разнообразными и более доступными потребителям, то «её естественный предел уже достигнут и в ближайшие десятилетия она вынуждена будет превратиться в одну из составных частей социологии» [3, С. 245].

Сегодня в экономических исследованиях широко используются такие термины, как «информационное общество», «постиндустриальное общество» «экономика знаний», «креативная экономика», «постмодернизм», в общем — «новая экономика». Вместе с тем, вопрос о том, что скрывается за понятием «новая экономика», можно ли говорить о новой экономике как о реальном экономическом феномене, или это пока гипотеза, остаётся открытым. Исследователи по-разному определяют как сущность новой экономики, так и перспективы, которые она открывает для человечества.

Например, Дж. Стиглиц по значимости перемен сравнивает новую экономику с промышленной революцией. Лауреат нобелевской премии пишет: «Двести лет назад мир прошёл через экономическую революцию, которая переместила основу

экономики из сельского хозяйства в обрабатывающую промышленность. Новая экономика представляет собой такое же одномоментное изменение пропорций: сдвиг от производства вещей к производству идей, связанному с переработкой информации, а не материальных запасов или обслуживанием людей» [25, С. 47]. При этом глобализация рынков, распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), появление цифрового пространства рассматриваются им как предпосылки перехода к новой экономике.

Специалисты нередко используют понятия «информационное общество», «постиндустриальное общество» как адекватные понятию «новая экономика». Например, Г. Клейнер в одной из своих работ акцентирует вопрос, какова должна быть стратегия России, можно ли сразу оказаться в «когнитивной эре» минуя периоды «индустриального общества» и «информационной экономики»? [10, С. 151]. То есть под «постиндустриальным обществом» академик неявно подразумевает «информационную экономику», и явно различает «информационную экономику» и «экономику знаний», полагая последнюю более высокой ступенью экономического развития.

И. Стрелец выделяет узкое и широкое определение понятия «новая экономика», отмечая, что под новой экономикой понимают экономику новых высокотехнологичных отраслей, или, более широко, «такое влияние высоких технологий на экономическое окружение, которое ведёт к существенному изменению отдельных макроэкономических параметров» [27, С. 16].

Нас интересует феномен «новая экономика» именно в широком смысле этого понятия. Мы считаем, что судить о реальности данного феномена нужно не только по тому, какую роль играют технологические факторы в экономическом росте страны, но и по тому, какое влияние ИКТ, технологических переменные оказывают на человека. Ведь именно человек является центральным действующим лицом эволюционного процесса.

Мысль, высказанная Дж. Ст. Миллем о том, что люди не являются богатством для самих себя, хотя и служат инструментом его приобретения [18, С. 90], отражает идею инструментальности, «служебности» человека, господствовавшую в индустриальном обществе. В настоящее время понимание человека не только как средства, но и как цели экономики, становится всё более органичным для экономической науки. Некоторые исследователи даже отвергают сам термин «новая экономика», как нечёткий, неоднозначный и считают, что корректнее будет говорить о человекоцентричном типе социально-экономического развития, как о новой странице в типологии экономического роста, замечая, что «по своей сущности это явление представляет собой совокупность глубинных перестроек, вызванных выдвиганием человека в центр воспроизводственного процесса» [21, С. 33].

Рассмотрим некоторые качественные переменные, связанные с процессами становления новой экономики, информационного общества, затрагивающие систему взаимоотношений *человек — труд — общество*.

В отличие от индустриальной стадии, где двигателем производства является физический капитал, постиндустриальная экономика опирается на значительные объёмы человеческого, управленческого, организационного капитала то есть, связана главным образом с нематериальными активами. Внедрение услуг в производ-

ственные процессы принципиально меняет концепцию капитала и капиталовложений, принципы их количественной оценки. Накопление организационных, управленческих активов, научного знания и производственного опыта образует *нематериальный капитал* компании. Масштабы и эффекты нематериального капитала измерить сложно. По мнению специалистов, в определённой степени величина такого рода капитала находит отражение в деловой репутации фирмы, в растущем разрыве между балансовой стоимостью её активов и их рыночной оценкой. Так в конце XX века отношение рыночной стоимости активов американской экономики к их бухгалтерским оценкам составляло в среднем более двух. Но для сервисных фирм, с известными брэндами, разрыв составлял более 10 раз [5, С. 42].

Традиционная конкуренция между продавцами (по цене, качеству) в новой экономике смещается в другую плоскость: фирмы соревнуются в объёме рекламы и силе брэнда. В новой экономике во множестве появляются товары, «насыщенные» знанием гораздо в большей степени, чем это требуется с точки зрения их функциональности. «У товаров появляется интеллектуальный имидж, что служит отличительной особенностью экономических благ в условиях новой экономики» [27, С. 17]. Важный инструмент продвижения современного товара и обеспечения его успеха у потребителя — брендинг. Но насколько брендинг является экономическим инструментом? Похоже, что в нём гораздо больше неэкономических элементов. Рекламные кампании редко строятся на призывах к экономии; они скорее основаны на манипулировании сознанием потребителя.

В индустриальную эпоху мир вещей стал продолжением человека. Именно созданию и накоплению материальных ценностей люди уделяли (и уделяют) своё основное время и силы. В постиндустриальном обществе, по мнению исследователей, накоплению имущества будет уделяться меньше внимания, а на смену *владению* придёт *доступ* — режим пользования, соответствующий характеру информационного ресурса [36, С. 54]. Основной ресурс новой экономики — информация, знания, продукт интеллектуальной деятельности — не подпадает под категорию редких ресурсов. Напротив, информация, знания обладают свойством безграничности, что служит категориальной характеристикой потребностей, а не ресурсов. Традиционная экономическая теория в объяснении теории предложения исходит из действия закона убывающей предельной отдачи, а теорию спроса объясняет, отталкиваясь от закона снижающейся предельной полезности. Но многие информационные продукты не подчиняются этим законам, ни с точки зрения спроса на них, ни с точки зрения их предложения.

Особенностью производства информационного продукта являются высокие постоянные издержки производства и низкие переменные, то есть дорого создать первоначальный экземпляр продукта, но относительно дёшево его копировать или воспроизводить. Проблемой, однако, является принципиальная возможность (лёгкость) тиражирования, воспроизведения, перекупки информационного продукта без ведома и согласия его первоначального владельца. Утечка (или передача) информации, знаний лишает первичного владельца «монополии на знание». Кроме того, перетекание определённой информации или некоторого вида знаний от одного хозяйствующего субъекта к другому способно серьезно изменить соотношение

позиций этих субъектов в хозяйственных вопросах и процессах. Это придаёт определённую иллюзорность, неустойчивость самому понятию «собственность». Все попытки законодательно разрешить проблему защиты прав интеллектуальной собственности (например, через законодательство об авторских правах) оказываются малоэффективными. Ряд экономистов вообще выступают за отмену существующей системы патентов и авторских прав [4, С. 14].

Учёные с разных позиций исследуют феномен новой экономики и информационного общества. Например, в новой экономике, считают исследователи, благодаря передовым технологиям и способам организации производства у человечества впервые в истории появляется шанс не только радикально повысить жизненный уровень населения планеты, но и покончить с эксплуатацией одних людей другими [29]. Но действительно ли, дело идёт к этому?

На первый взгляд кажется, что термин «постиндустриальное общество» характеризует всего лишь новый уровень развития производительных сил, а не тип социальной системы (какой скрывается, например, за терминами «капитализм» или «социализм»)¹. Однако это не совсем так. В связи с широким и повсеместным распространением интеллектуальной формы собственности обозначилась серьёзная социально-экономическая проблема: именно интеллектуальная форма собственности становится основой глубокой имущественной дифференциации современного общества. В. Иноземцев подчёркивает, что, будучи порождено не относительно условными внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жёстким, чем в эпоху господства частной собственности [7, С. 168, 169].

Как говорит русская пословица, *если своего ума нет — чужой не приставишь*. Интеллект, благодаря которому появляются новые информационные, высокотехнологичные продукты, является неотчуждаемой собственностью своего носителя. Этот носитель интеллектуального ресурса и является представителем нового класса-гегемона, идущего на смену классу капиталистов. Исследователи уже и название придумали для нового общества — нетократия (*net* (англ.) — сеть, *kratos* (греч.) — власть) [1].

Поскольку инновации выступают основным источником роста производительности в новой экономике, то знания и информация становятся основным фактором нового производственного процесса. Создатели же знаний и обработчики информации — основные (информациональные) производители в такой экономике. Их социально-экономическое положение (социальный престиж, высокий уровень жизни) предопределяет рыночная логика глобального сетевого капитала. Ожидается, что в основу иерархии нового общества лягут международные сети, базирующиеся на интеллектуальном и социальном капитале. По мнению профессора А. Кочеткова, в посткапиталистическом обществе «деньги, титулы, слава теряют решающее значение. В определении нетократического статуса решающую роль будут

---

¹ Действительно, когда говорится «постиндустриальное», то речь идёт о том, *что и как* производится, то есть об *экономике*. В этой связи экономика может быть аграрной, индустриальной, сервисной. Основной характеристикой *общества* является его иерархическая структура (классовая, стратовая и т. д.).

играть знания, контакты, кругозор и другие подобные качества, которые повышают статус сети» [11, С. 17–18].

Обозначились и другие тенденции развития социально-экономических отношений в новой экономике. Одновременно с возрастанием социального статуса и доли в национальном доходе очень узкого, элитарного слоя высокоэффективных работников, занятых в сферах soft-tech и high-tech, в сфере финансовых услуг и СМИ, происходит размывание среднего класса, который был опорой развитых капиталистических обществ индустриальной эпохи. Наблюдается ослабление позиции и усиление неустойчивости как его нижнего, так и высшего слоя на глобализирующемся рынке труда [13].

Жизнь в постиндустриальном обществе, как полагают исследователи, будет гораздо менее «материальна», чем это было в прежние века². И, в отличие от индустриального общества потребления, в новой экономике главной ценностью будет *время*. Но что люди будут делать со своим *временем*?

Принято думать, что в новой экономике перед ними «открываются широкие горизонты для интеллектуального и духовного развития — в сферах науки, техники, образования... — единственно достойная перспектива для человечества» [22, С. 102], что «человек, освобождённый от необходимости постоянного поиска средств для достойной жизни, получает возможность освоить и культивировать в себе потребности более высокого порядка, простирающиеся далеко за пределы овладения вещными богатствами» [7, С. 41].

Насчёт «достойной перспективы» и «культивирования потребностей более высокого порядка» стоит заметить, что более 80 лет назад Дж. М. Кейнс в статье «Экономические возможности наших внуков» попытался заглянуть вперёд на 100 лет. Кейнс акцентировал внимание на том, что с самого начала истории человеческого общества и по настоящее время *экономическая проблема* (борьба за существование) оставалась основной проблемой человечества. Когда человек вынужден каждый день проливать пот ради куска хлеба, больше всего он жаждет отдыха. Но в будущем экономическая проблема не обязательно должна быть самой насущной. Станет ли жизнь от этого лучше?

Когда благодаря достижениям НТП исчезает необходимость в ежедневном изнуряющем труде, когда появляется свобода от повседневных экономических дел, человек сталкивается с другой проблемой: *чем и как занять свой досуг?* Проблема досуга становится насущной. Кейнс с горечью констатирует, что для обычного человека, не обладающего особыми талантами и способностями, найти себе занятие в свободное от работы время крайне сложно и, если судить по поведению представителей богатых классов в любой части света, перспективы выглядят удручающими. Нам стоит ожидать всеобщего «нервного расстройства», которое распространено среди жён представителей состоятельных классов: уборкой, шитьём, приготовлением пищи в отсутствие необходимости они не занимают, а никакого другого более увлекательного занятия для себя найти не могут [9, С. 64–65].

---

²Дематериализация жизни проявляется в вытеснении физического пространства киберпространством, в «исчезновении» рабочих мест (офисов), благодаря возможностям ИКТ, и т. п.

Нервное расстройство — это «цветочки». *Сон разума рождает чудовищ*, говорит испанская поговорка. Самореализация «обычного» человека, избавленного от *экономической проблемы*, способна принимать чудовищные и разрушительные формы. «Ягодки» описаны, например, в романе Дж. Фаулза «Коллекционер». История начинается как раз с того, что герой, получив в распоряжение достаточное количество денег, утратил необходимость ежедневно ходить на службу и обнаружил, что в условиях круглосуточного досуга и отсутствия материальной нужды, можно себя занять, воплощая в жизнь свои подавленные желания и идеи [31]. Как изощрённо и извращённо он это делает...

Последние десятилетия XX века уже можно считать фактическим *началом* информационного общества, когда информация становится основным видом производимого товара, а создание и распространение информации — основным видом деятельности³. Постепенно уходят в прошлое традиционные каналы коммуникации, а основным каналом связи становятся ИКТ. Имея Интернет, современный человек использует компьютер не просто как инструмент для обработки информации, но становится участником глобального информационного обмена. Т. Ровинская утверждает, что «главной задачей информационного общества является обеспечение правовых и социальных гарантий получения каждым его гражданином всей необходимой информации в любом месте и в любое время» [23, с. 81]. Но для чего? Ведь доступ к информационным ресурсам сам по себе не может рассматриваться как *задача общества*, это лишь инструмент, ключик. Но что «открывает» этот ключик?

Кого-то воодушевляет мысль, что каждую минуту на сайт портала YouTube поступает около 10 часов новых видеоматериалов, что «такие ресурсы предоставляют пользователям равные и неограниченные возможности не только для общения по интересам, но и для самовыражения»; что технологии Web 2.0 — это начало возникновения «коллективного разума»; что сетевое общество является наиболее демократичным за всю историю человечества и, возможно, позволит преодолеть конфликт между человеческой личностью и государственным аппаратом, индивидуальными и коллективными интересами [23, С. 89, 90]; что «по своей объективной природе новейшие ИКТ должны способствовать демократизации всех сторон общественной жизни» [11, С. 19].

На наш взгляд, делать вывод о том, что в информационно-сетевом обществе меняется характер властных отношений на том лишь основании, что развитие ИКТ расширяет возможности индивидуального общения, распространения и восприятия информации, несколько наивно. В информационно-сетевом обществе условия диктует тот, в чьих руках находятся информационные сети, технологии и ресурсы, то есть провайдер. А деятельность провайдера может подвергаться и контролю, и давлению, как со стороны частных лиц, фирм, корпораций, так и государственных структур. Мы, скорее, разделяем опасения тех исследователей, которые считают, что на поверку из-под разговоров о новой форме организации социума проступает

---

³ По прогнозам американских аналитиков, в США переход к информационному обществу завершится примерно к 2020 г., когда всего 17 % занятых будут задействованы в сфере материального производства.

древняя личина общества счастливых рабов, которое в наши дни готово найти своё воплощение в Сети, контролирующей всё и вся, и в аморфной массе подключённых к ней, ею управляемых, ограниченных в самостоятельности, бездумных исполнителей её воли. Субъектом новейшей истории станет какая-нибудь кибер-цивилизация, а человечество, добровольно отдавшее себя хаосу, исчезнет, став пылью времен.

А может быть всё не так страшно? Например, по мнению В. Мартьянова и Л. Фишмана, популярные метафоры цифрового или сетевого общества произрастают из социальной мифологизации очередного поколения техники. Но новые технологии, сами по себе, едва ли приведут к возникновению новой формы социально-экономического устройства. А фантастические ожидания, связанные с формированием посредством передовых технологий новых форм социальности, имели место и на предшествующих этапах НТП, когда появились беспроводной телеграф, радио, телевидение [16, С. 73, 74].

К сожалению, в массе своей люди не видят опасности того, что если позволить технологии следовать своей собственной логике, она разрастется как раковая опухоль, угрожая сложившейся системе индивидуальной и социальной жизни. Как предупреждал выдающийся психолог-гуманист XX века Эрих Фромм, «призрак бродит среди нас... и этот призрак — полностью механизированное общество, нацеленное на максимальное производство материальных благ и их распределение, управляемое компьютерами. В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный... превращается в частицу тотальной машины» [34, С. 18].

Влияние научно-технических достижений на развитие человечества неуклонно возрастает. Едва ли можно полагать, что в XXI веке НТП замедлится. Нередко исследователи сводят недостатки современной глобальной мировой системы к препятствиям, которые она создаёт на пути развития производительных сил, но, похоже, основная проблема заключается в том, что существующая система ориентирует эволюцию по такому пути, на котором препятствием для развития становятся сами люди. Именно люди не способны адаптироваться к постоянным изменениям технологической, социальной, культурной среды. «Они не способны даже освоить те преимущества, которые им реально дают перемены, потому что раньше, чем они успеют их освоить, механизм достижения этих преимуществ изменится. «Негибкое» население оказывается помехой для развития... системы» [24, С. 117]. Именно человек становится «слабым звеном» современного глобального технологического механизма, который подчиняется уже не человеческой логике, а своей собственной. Назначение техногенных структур — «переработка... ресурсов как самоцель, постоянное укорачивание циклов жизни товаров, укладов, инфраструктур ... безудержная генерация новых приёмов труда, высоких технологий в угоду беспрестанным инновационным революциям, взрывам и переворотам». Происходит «развитие человека-машины, а не человека» [12, С. 71, 67]. Человек, живущий в условиях новой экономики и информационного общества, подвергается воздействию огромных потоков информации. Но его возможности по осмыслению информации ограничены, часть информации вообще не поддаётся осознанному восприятию.

Э. Тоффлер подчёркивал, что существуют пределы изменений в окружающей среде, к которым организм человека может приспособиться, и если заранее не определить эти пределы и безудержно увеличивать изменения, можно подвергнуть людей таким воздействиям, которые они просто не выдержат [28, С. 346]. Многие операторы компьютерных систем уже не выдерживают информационных перегрузок, что увеличивает число аварий, связанных с человеческим фактором. Финансовые потрясения, непрерывные инновационные революции, разрушающие ещё вчера успешно работавшие структуры, изматывают человека. Постиндустриальное общество разрушает культурную среду, благоприятную для его существования. Появление новых технологий меняют жизнь человека коренным образом, притом, что сам человек, как природное существо, как *Homo sapiens*, изменяется мало.

Хотя есть и другое мнение. Так Ю. Ольсевич пишет, что «психика рода человеческого безгранично пластична, она изменяется в зависимости от изменений природных, технологических, общественных условий. Если кардинально изменяются эти условия, то кардинально изменится и сам человек, если не сразу, то с некоторым лагом». С этой безграничной способностью к адаптации учёный связывает надежды на то, что «при создании определённых эколого-технических предпосылок и построении необходимой общественной системы, возникнет и новый человек ... который в своём поведении признаёт только принципы свободы, равенства, братства, справедливости, гуманизма, прогресса и мира». Правда, далее автор всё же признаёт, что «основные параметры человеческой психики мало изменяются на протяжении тысячелетий» [19, С. 27, 28].

Да, это так. До сих пор социальная эволюция человечества по своим темпам значительно опережала биологическую. Это проявлялось в развитии и частых трансформациях организационной структуры общества, при практически не меняющейся биофизической сущности самого человека. Но ведь до сих пор не было «технических» возможностей изменить параметры человека. В XXI веке такие возможности появились: новые био- и нанотехнологии углубляют проникновение человека в природный мир. Отметим только некоторые изменения, вытекающие из развития науки, которые коснутся человека уже в текущем столетии. Во-первых, генетический код любого человека будет расшифрован. Во-вторых, техника клонирования приведёт к большим изменениям в «производстве» детей. В третьих, ещё сильнее возрастёт влияние фармацевтической промышленности и её продукции на повседневную жизнь людей. Далее упомянем влияние на человека потребления генетически модифицированных продуктов. А значит, становится возможным вмешательство в генетическую природу человека, изменение его природных свойств. По мнению академика В. Макарова, «человек живёт уже не столько в естественной среде, в том числе биологической, сколько в искусственной» [15, С. 41]. Но в искусственной среде может существовать только соответствующий ей искусственный человек, некий *Homo cyberneticus*.

Важным фактором развития информационного общества становится феномен эскапизма (*escape* (англ.) — бежать, спасаться), то есть ухода человека от проблем действительности в мир иллюзий, трансцендентальную философию, религию. Исследователи с тревогой отмечают растущую маргинализацию (социальное исклю-

чение) части населения. Как пишет З. Бауман, расширившаяся до планетарных масштабов конкуренция разделила мир на тех, кто «живёт во времени» и тех, «кто прозябает в пространстве». Первые все больше глобализируются, вторые же остаются локализованным. «Они беззащитны перед неведомыми напастями, исходящими от таинственных «инвесторов» и «акционеров», а также ещё менее понятных рыночных сил. Всё, что они приобретают сегодня, может быть завтра же отнято без предупреждения» [2, С. 37].

Сегодня маргинализация не обязательно подразумевает прозябание в нищете или «жизнь под мостом». Речь идёт о людях, которые не могут найти себе места в информационном обществе и новой экономике, которые по разным причинам конфликтуют с существующей системой ценностей и социальных отношений. Это и мятежно настроенные интеллектуалы, представители этнических, сексуальных меньшинств, безработные, особенно молодёжь. С проблемой маргинализации, даже будучи обеспеченными людьми, сталкиваются многие лица пенсионного возраста: с точки зрения уровня жизни, они защищены системой пособий, социальных льгот, однако материальное благополучие не заменяет отсутствие социальных связей. Маргиналы, особенно молодёжь, являются серьёзным источником угрозы социальной стабильности. Маргинальная масса остро ощущает потребность «быть кем-то» и податлива к любой пропаганде, использующей слова «справедливость», «братство», «равноправие» и т. п., и указывающей на «виновников» и «обидчиков».

Мощным генератором неуверенности, тревоги служит ситуация с занятостью. Ещё в конце XX века М. Кастельс отмечал, что в новой экономике углубляется фрагментация работников на информационных, высокоиндивидуализированных производителей (в странах ОЭСР они составляют до трети занятых) и численно доминирующую родовую рабочую силу, потенциально заменимую машинами или другими представителями родовой рабочей силы (иммигрантами из менее развитых стран) [8]. Те работники, которые не могут следовать требованиям времени и постоянно модернизировать свою профессиональную квалификацию, «выпадают» из конкурентной борьбы, становятся эпизодическими работниками (резервная армия труда, в терминологии К. Маркса), либо не нужны вовсе и являются «отбросами» (*wasted people*, в терминологии З. Баумана). Таким образом, маргинализация становится уделом не только «обездоленных и люмпенизированных», но и тех, кто всю свою жизнь «строил себя» в постоянной борьбе за возможность избежать падения на социальное дно.

В новой экономике распространённым термином становится понятие «прекаризация» (*precarious* (*англ.*) — случайный, ненадёжный), обозначающее распространение многообразных форм нестабильной и нестандартной занятости. Ненадёжными видами найма охвачена значительная часть молодёжи. Например, во Франции и Италии доля занятых в разных видах негарантированного найма составляет 14 % от общего числа занятых, но среди тех, кто первый раз получил работу, их больше половины. В Испании временные места составляют около одной трети всех рабочих мест. Что Европа... В Японии, где в период индустриализации форма пожизненного найма традиционно превалировала, сегодня всё шире распространяется практика временного контракта. Так, в 2008 г. в этой стране на временной ра-

боте были заняты 34 % экономически активного населения (а среди японских женщин эта цифра составляла 58 %) [6, С. 9]. Массовые волнения молодёжи во Франции в марте 2006 г. показали остроту и масштабы проблемы прекаризации⁴.

Распространение временных форм занятости в массовом порядке затронуло и средний класс, в том числе преподавателей вузов, сотрудников научных центров. Это особенно болезненно воспринимается в обществе, поскольку в развитых странах образ жизни среднего класса выступает как своеобразный «эталон цивилизованного существования». Сбои же в «эталоне» воспринимаются как серьёзная социальная проблема. Реальная угроза «зависнуть» в прекариате дестабилизирует быт человека, делает иллюзорной выработку жизненных планов (проблемой становится получение банковского кредита и покупка жилья, приобретение товаров в рассрочку, непонятно когда заводить семью, детей и т. п.). Неопределёнными становятся базовые характеристики определения социальной идентичности человека.

Вместе с тем, разновидностью неформальной занятости является, как её называют исследователи, «электронная самозанятость». Субъектов, вовлечённых в эту нестандартную форму занятости, называют «агентами информационной экономики и носителями соответствующих форм человеческого капитала, трудовых практик и мотиваций», «передовым отрядом рабочей силы», «новым средним классом» [26, С. 91, 111].

В терминологии американского исследователя, Р. Флориды, такие работники являются представителями так называемого «креативного класса». Ядро креативного класса (а по оценкам Флориды он включает в себя около 30 % всех работающих американцев) составляют люди, занятые в научной, технической сфере, в образовании, дизайне, искусстве, музыке, индустрии развлечений, те, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания [32]. В основе деятельности таких работников лежит индивидуальное творческое начало и талант, позволяющие создавать добавленную стоимость и рабочее место путём использования интеллектуальной собственности. Такие работники мечтают не о том, «чтобы карабкаться вверх по корпоративной карьерной лестнице... а о том, чтобы создать собственное дело, работающее так, как они хотят, — чаще всего во Всемирной паутине» [20, С. 31].

Уже многие столетия ведётся спор между адептами индивидуализма и коллективизма по поводу того, что является главным ориентиром для человека — его собственное выживание и благополучие, а общество и государство являются лишь инструментом их обеспечения, или всё же доминируют общественные, коллективные ценности, которыми и руководствуется индивид в своём выборе?

Прекаризация питает индивидуализацию, их связь глубоко диалектична. В индивидуализированном обществе разрушаются связи как социальной, так и межперсональной солидарности, усиливается экзистенциально-бытовая неопределённость. В атмосфере радикальной неопределённости, порождающей чувство тревоги и незащищённости, на возникающие риски и угрозы люди пытаются реагиро-

---

⁴Правительство Франции попыталось расширить доступ молодежи на рынок труда, для чего решили узаконить право работодателя увольнять работника без объяснения причин в течение первых двух лет, что вызвало настоящий бунт молодёжи.

вать индивидуально, что ещё больше усиливает их разъединённость. Но сегодня, как отмечают исследователи, «человечество приближается к некой бифуркационной точке, вариантов выхода из которой два: или изменение парадигмы, и тогда доминанты соперничества и вражды должны смениться доминантами сотрудничества и взаимопомощи, или деградация и взаимное уничтожение. Какой из вариантов будет реализован, — во многом зависит от осознания грядущей опасности большинством человечества» [6, С. 123].

Проблема изменения качества жизни, под каким бы углом зрения к ней не подходить, это, прежде всего, проблема перестройки сознания человека. Исследователи используют термины «постматериалистическое общество», «постэкономическое общество», для описания будущего, в котором материальные цели людей перестают играть главную роль, а хозяйственная деятельность не задаётся традиционно понимаемой экономической целесообразностью [7, С. 35]. Но вопрос в том, к чему люди будут стремиться, если у них «отобрать» цели, базирующиеся на традиционных материальных ценностях? Ответ на него является принципиально важным для дальнейшего выживания человечества.

Да, исследования массового сознания на Западе фиксируют появление новой ценностной парадигмы, отличающейся от господствующей системы ценностей. Так, по оценкам учёных, в конце прошлого века около 24 % взрослых американцев можно было отнести к «новаторам в культуре» (CulturalCreative) — новому культурному типу людей, приверженных духовным и культурным ценностям, чувству солидарности, озабоченных социальными, экологическими проблемами, стремящимися вести здоровый образ жизни, совместимый с сохранением окружающей среды [22, С. 94]. Части молодого поколения Германии присуща постматериалистическая ценностная ориентация, «для которой характерно предпочтение таких ценностей, как индивидуальное самоосуществление, социальный смысл деятельности, справедливые условия жизни, здоровая среда обитания и наполнение смыслом собственной жизни» [14, С. 102].

К сожалению, вербальные суждения, высказываемые в ходе опросов, далеко не всегда идентичны реальному поведению людей. Что-то, конечно, меняется, но не настолько, чтобы говорить о том, что сегодня «деньги и власть уже не могут ни купить, ни заменить солидарность и смысл» [35, С. 363]. Новые ценностные установки немногих граждан наталкиваются на инерцию сложившихся традиций и привычек, и пока едва ли серьёзно конкурируют с престижными, демонстрационными потребностями большинства населения, потребностями, которые активно культивируются рынком, и которые практически беспредельны.

В своё время Дж. М. Кейнс предлагал разделять человеческие потребности на два класса: *абсолютные*, испытываемые нами независимо от происходящего с другими людьми, и те, которые мы ощущаем, только если их удовлетворение «поднимает» нас над остальными, даёт почувствовать своё превосходство. Такие потребности Кейнс называл *относительными* потребностями и отмечал, что *чем выше общий уровень экономического развития, тем они интенсивнее* и могут быть ненасыщаемыми [9, С. 63]. Ещё А. Смит указывал на то, что увеличение богатства и материальных благ может приносить пользу лишь до некоторого предела. Для

удовлетворения жизнью *относительный* уровень дохода гораздо важнее, чем абсолютный. Чтобы индивид был счастлив из-за своего высокого статуса, нужно, чтобы в обществе было неравенство по доходу. В результате, стремление зарабатывать всё больше денег, стремление приобретать и потреблять все больше новых благ с тем, чтобы не только «выглядеть не хуже», а желательно и выделиться среди людей своего круга, втягивает людей в бесконечную крысину гонку. Как поёт в одной из своих песен Ю. Шевчук, «Цивилизация — мать технологий, а в мозгах все тот же палеолит».

Мыслителей издавна занимал вопрос — существует ли реальный, космически обусловленный предел развитию земной цивилизации. Похоже, что нынешняя цивилизация достигла пределов своего способа бытия. Современный человек оказался у черты, за которой начинается кризис производящего хозяйства. Расширяться дальше человечеству некуда — только в космос, что требует радикального изменения психофизических характеристик самого человека. В этой связи инновационный акцент на информационные технологии, биотехнологии, генную инженерию является неслучайным. Соединившись, новые технологии открывают возможности не только воспроизводить то, что уже существует в живой природе, но и создавать новые, более адаптивные, с точки зрения соответствия потребностям человека, формы жизни. «Многие возлагают надежды на прогресс биотехнологий... на изменение природы самого человека и так называемое постчеловеческое будущее», — пишет В. Федотова [32, С. 21].

Удивительные надежды! Что *человеку* от такого будущего? Какое место *человек* будет занимать в *постчеловеческом* будущем, и какую роль он будет играть? Роль поставщика энергии для Сети, как в фильме «Матрица»? В этой связи нелишне задаться принципиальным вопросом: если основная активность человека переносится из материального мира в сферу ИКТ, если человек «сбрасывает» энергию и реализует свой творческий потенциал в виртуальном пространстве, то сохранит ли он свою жизнеспособность в реальном мире? Или человек превратится в существо, живущее в мире иллюзий и не способное ориентироваться в действительности и обеспечивать своё существование?

В качестве ответа на вопрос приведём отрывок из романа М. Уэльбека. «В производстве я не смыслил ровным счётом ничего. *Я был целиком и полностью приспособлен к веку информации, то есть не приспособлен ни к чему* (курсив наш. — Л. Д.)... И никто из знакомых мне людей не смог бы, скажем в случае блокады со стороны других государств наладить изготовление чего бы то ни было... Нас окружали предметы, о которых мы не знали ничего: как они делаются, какие для этого необходимы условия» [30, С. 184].

Прогрессивность или регрессивность тех или иных изменений выявляется не сразу, а по мере жизни общества. Очевидно, что прогрессивными следует считать те изменения, которые служат повышению уровня развития всех сторон жизни обществ, причём в масштабах именно общества, а не отдельных личностей или групп. Очень может быть, что цена, которую общество готово *сегодня* заплатить за обеспечение краткосрочной устойчивости, переведя свою социально-экономическую активность в виртуальное пространство, в долгосрочном плане приведёт к развалу

всей хозяйственной системы, утратившей свои адаптационные способности и микро, и на макроуровне.

Ответ на вопрос о том, что скрывается за понятием «новая экономика» (какие бы уточняющие определения этому понятию не давались) сводится к одному — подлинное содержание «новой экономики» заключается в изменении места человека как в экономике, так и в социуме, поскольку одно с неизбежностью вытекает из другого. Что касается качественных характеристик этого «места», то только время покажет, сможет ли Homo Sapiens действительно быть достаточно разумным, чтобы справиться с новыми вызовами и устоять перед новыми искушениями.

Литература

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Издательство Логос, 2002. 390 с.
3. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщённости: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
4. Бляхман Л. Глобальный кризис и переход к новой социально-экономической модели развития // Проблемы современной экономики. 2010. № 1.
5. Демидова Л. Сфера услуг: изменение динамики производительности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12.
6. Иванов Н. Мифы и реалии «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 8. С. 118–125.
7. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречие, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
8. Кастель М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.
10. Клейнер Г. Знание об управлении знаниями // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 151–155.
11. Кочетков А. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Политические исследования (ПОЛИС). 2011. № 5. С. 8–20.
12. Кочетов Э. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: «Деловая литература», 2006. 160 с.
13. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 19–28.
14. Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 286 с.
15. Макаров В. Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 39–46.
16. Мартыанов В., Фишман Л. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции // Политические исследования (ПОЛИС). 2012. № 1. С. 63–75.
17. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
18. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1.
19. Ольсевич Ю. Экономическая теория и природа человека: становится ли тайное явным? // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 27–42.
20. Пинк, Д. Нация свободных агентов. М.: Секрет фирмы, 2005. 328 с.
21. Проблемы эффективности в XXI веке: экономика США / Отв. ред. В. И. Марцинкевич. М.: Наука, 2006. 391 с.
22. Развитие в развитых странах (к постановке проблемы) // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 90–102.
23. Ровинская Т. Информационное общество: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9.

24. Соколов В. Ареал человечества: взгляд гуманитария-методолога // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 3. С. 113–123.
25. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Национальный общественно-научный фонд — «Современная экономика и право», 2005. 424 с.
26. Стребков Д., Шевчук А. Электронная самозанятость в России // *Вопросы экономики*. 2011. № 10. С. 91–111.
27. Стрелец И. Новая экономика: гипотеза или реальность? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 3. С. 16–23.
28. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 557 с.
29. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ, АСТ Москва, Профиздат, 2008. 576 с.
30. Уэльбек М. Платформа: Роман / Пер. с фр. СПб.: Издательская группа «Азбука — классика», 2009. 288 с.
31. Фаулз Дж. Коллекционер. М.: Эксмо, Домино, 2011. 400 с.
32. Федотова В. Новые идеи в социальной теории // *Социологические исследования (СОЦИС)*. 2011. № 11. С. 14–24.
33. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2011. 432 с.
34. Фромм Э. Человек для самого себя. Революция надежды. Душа человека. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 763 с.
35. Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity*. Cambridge, 1995.
36. Rifkin J. *The Age of Access*. Penguin Books, 2000.

Об авторе (ах)

Даниленко Людмила Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и финансы», финансово-экономический факультет, Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: daniluda@rambler.ru

L. N. Danilenko

**THE PHENOMENON OF THE NEW ECONOMY
IN THE SOCIOHUMANISTIC CONTEXT**

The paper represents the phenomenon of the term «New economy» from the social and humanistic point of view. It emphasizes the new social trends and the problems an individual can adapt to a technogenic structure of an information-oriented society.

Key words: *new economy, information society, human-being, labour, social and economic relationships, individualization, nets, state.*

About the author(s)

Danilenko Ludmila Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Economics and Finance Department, Finance and Economics Faculty, Pskov State University, Russia.
E-mail: daniluda@rambler.ru